

Дорога, ведущая в суд

Культура. — 1992. — Зект. — С. 7

Прошли те времена, когда обиженный местными руководителями режиссер апеллировал к центральным партийным и административным органам. Кончилась всемогущая централизованная власть над театрами. Приближается торжество справедливости. И то правда: кому больше нужен конкретный театр! Непому дяде в недостижимом столичном далеке! Или своим, местным властью предержащим дядям! Конечно же, тем, кто ближе. Ведь им виднее. Теперь отношения между художником и местной властью решаются на цивилизованной, правовой основе. В суде.

В Ленинском народном суде города Калуги недавно выиграл дело главный режиссер областного драматического театра Владимир Чертков. Суд отстоял его право быть главным режиссером театра, которым он вполне успешно проручивали уже четыре года. Кто же пытался отнять у него это право? Недовольные актеры? Ничуть не бывало. Это пытались сделать начальники областного управления культуры и городской голова. Думаете, они недовольны творчеством Черткова? Ничего подобного. Просто решили провести реорганизацию. Время реформ, так сказать, обзавелось. В Управлении культуры рука реформатора подписывает приказ «О художественном руководстве Калужского драматического театра». В обход уставов, юридических норм и положений (не хочется нагружать документальные подробности, суд в них разобрался — это ли не доказательство?) упраздняется должность главного, Черткова ставят перед совершившимся фактом. Так что же, его режиссерские услуги больше не нужны?

Здесь г-н.звольте небольшое отступление: Институт художественного руководства был введен для того, чтобы художник мог полноправно распоряжаться своим хозяйством. Чтобы административная власть в театре не противоречила творческой. На посту худрука при этом, естественно, мысленная фигура выдающаяся. Художественное руководство своими театрами приняли, к примеру, Марк Захаров, Роберт Стурга, Андрей Гончаров... Сами имена подсказывают, что в сочетании «художественный руководитель» слово «художественный» не случайно стоит на первом месте. Безраздельным хозяином театра может быть не обязательно режиссер. Но непременно человек творческий. Плюс компетентный, образованный, влюбленный в театр. Одним словом: режиссером можешь ты не быть, но художником быть обязан.

Однако путь от идеи до ее воплощения у нас, как известно, неисповедим. Чему же удивляться: институт художественного руководства, придуманный во благо творческим людям, частенько играет с ними злые шутки. Кто-то в наших управленческих структурах регулярно что-то путает, понимает шиворот-навыворот, отчего постоянно осложняется, на первый взгляд, простейшее

дело. Помнится, кому-то пришлось в голову добавить должность худрука к уже существующим главному и директору, создать крепкую увесистую «тройку». Недоумевал еще Георгий Александрович Товстоногов: кому понадобилось это третье лицо, какие управляющие бразды возьмет оно в свои руки и что останется режиссеру и директору?

Но вот в городах появились мэры, а в местных управлениях культуры пришли новые кадры. Эти быстро смекнули, какую практическую пользу можно извлечь из должности худрука. По России прокатилась волна назначений на этот пост директоров театров. Группа режиссеров даже сделала запрос на последнем съезде СТД России. Вместо желаемого усиления власти творческой мы получили еще большее ее ослабление, констатировали режиссеры. Директора, как правило, мощно проросшие связями в городские недра, оставляют главным режиссерам жалкую второстепенную роль. Теперь на первом месте у театров могут быть любые задачи делового, коммерческого характера, а творчестве же речь в последнюю очередь.

На пост художественного руководителя Калужского драмтеатра назначается В. Михайлина, в прошлом — замести-

тель директора театра по работе со зрителем, а затем инспектор областного управления культуры. Она и упраздняет своим распоряжением должность главного. Но то ли ее сама смутил в названии ее новой должности зпитет «художественный», то ли городские власти имеют какие-то сомнения насчет способностей В. Михайлиной ставить спектакли, но в афишах и программах напротив этого имени слово «художественный» опущено. Читается просто и скромно: руководитель театра. Любопытно, что и труппа до свершившегося факта не знала, какая надвигалась революция происходит у нее в театре, — революция произошла «сверху». А вот о грядущем финансовом крахе, если не помонет мэрия, ставшая соучастником театра, знали давно. И к моменту «реформы» уже прочно свились с истиной: кто платит, тот и заказывает музыку. Несговорчивым оказался лишь сам Чертков. Это он опасался чрезмерной власти города над театром, это он толковал что-то о поисках менее «занимательных» спонсоров: завода, банка и т. п. Кто знает, не эта ли неуместная строптишь привела его в конечном счете в суд? Уж во всяком случае не его спектакли. В особенности не «Макбет», единодушно принятый зрительями и критикой. Вот и выходит, что творчество ни при чем.

...Позвольте. Но ведь все это уже было. Были хорошие режиссеры, не угодные власти за непокорность. Пусть за идею, пусть за человеческую. Какая в сущности разница, если художника у нас по-прежнему судят даже не по зако-

нам, «им самим над собою поставленным», а вообще — не по таланту, не по качеству работы. Если он так и остался опутан чьиими-то далекими от искусства интересами. Бесправен был — в эпоху идеологического диктата. Бесправен есть — в эпоху экономического и управленческого хаоса. Впрочем, прежний руководитель, кажется, вздрогнул бы, получив гневные апелляции от Министерства культуры России, отраслевого профсоюза и Союза театральных деятелей. Нынешний же мэр Калуги В. Черников лишь искренне изумился: «Что это еще за власти, которые взяли нас учить?». И то правда: настоящий хозяин не любит властных окриков. Только, похоже, нынешний хозяин опять не любит и художников. Не везет в Отечестве творческому человеку. Одна надежда — на справедливых юристов. Черткову с ними, кажется, повезло. Только он-то хотел и себе, и Калужскому драмтеатру совсем другого творческого пути. Как и многие его коллеги в российских городах и весях...

...Похуже, дорога из начального кабинета в храм Мельпомены стала и легче, и короче. От храма же пролегла другая — в суд. Но кому нужна такая дорога?

Наталья КАМИНСКАЯ.